

носторонность и особенную историко-литературную цѣньность. Эпосъ не остается явленіемъ уединеннымъ среди другихъ отдѣловъ вашей литературы. При устной народно-пѣсенной передачѣ, несомнѣнно, сказалось на народное творчество. Въ составѣ былого эпоса вошли не только побывальщина, но и захожія легенды или сказки, ибо памятники былинахъ читались, пересказывались и при этомъ передѣливались, примѣняясь къ особенностямъ мѣстнаго быта и подчиняясь вліянію міровоззрѣнія позднѣйшихъ эпохъ. Но быловой впосѣ не теряетъ отъ заимствованій и примѣсей свое историческое и литературное значеніе и свой интересъ. Указавъ на сказаніе «О князьяхъ Владимірскихъ», о борьбѣ Владимира Мономаха и на другія бы родственную связь съ нашей письменностью. Въ настоящее время народъ начинаетъ забывать древнія пѣсни. Былины сохранились только въ сѣверной окраинѣ русской земли. По этому поводу слышится среди любителей русской словесности возгласъ о паденіи старины, но движение народной мысли, народного творчества нельзя остановить ни вздохами, ни чѣмъ либо другимъ. Старина забывается потому, что не удовлетворяетъ молодаго поколѣнія. Чувствуется потребность чего-то новаго и это новое должно прійти вмѣстѣ съ образованіемъ, съ книгой или школой. «Мы, закончили свою рѣчь диспутантъ, — въ долгу передъ деревней. Она сохранила намъ старыя пѣсни и сказки; отплатимъ этой долгъ нашей новой художественной литературой. На смѣну забываемъ пѣснямъ и сказкамъ должны выступить произведения Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Достоевскаго, Толстого».

Официальные оппоненты: профессора А. И. Соболевскій и А. Н. Веселовскій, во время преній высказались, что труды диспутанта по русской словесности вообще и «Русскій быловой эпосъ» въ особенности, доказываютъ знакомство автора съ предметомъ въ самомъ широкомъ смыслѣ и являются безусловно цѣнными. Историко-филологический факультетъ призналъ И. Н. Жданова достойнымъ степени доктора русской словесности.

† 3-го іюня, въ Царскомъ Селѣ, отъ паралича сердца, предсѣдатель комитета министровъ, академикъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Николай Христіановичъ Бунге. Смерть эта произвела потрясающее впечатлѣніе на русское общество; не стало крупнаго государственного человѣка, мужа разума и совѣта, вся дѣятельность котораго была освѣщена удивительно свѣтлымъ ореоломъ. И друзья, и недруги—всѣ слились въ одномъ общемъ признаніи: это былъ воинству праведникъ, это былъ настоящій примѣръ честности и добросовѣтности. Таковы главныя положенія всѣхъ характеристикъ покойнаго, сдѣланныхъ на краю еще незакрытой могилы. Въ этомъ народномъ голосѣ слышится что-то величественное, торжественное и высоко-серъезное. Да, скончавшійся Н. Х., по справедливости, долженъ быть отнесенъ къ числу тѣхъ историческихъ дѣятелей, про которыхъ можно сказать, что «сыль земли на нихъ не легла», а въ наше время, чреватое всякими сдѣлками, послабленіями совѣсти, такіе дѣятели на рѣдкость. Они свѣтятъ современникамъ свѣточемъ великой нравственной силы, а поколѣніямъ грядущимъ являются примѣръ высокаго подражанія; въ нихъ содержится лѣтопись цѣлой эпохи, такъ какъ они отражаютъ въ себѣ все то лучшее, свѣтлое и чистое, что создало это время. Покойный Бунге, по справедливости, можетъ быть рассматриваемъ, какъ представитель освободительного царствованія Александра II. Онъ участвовалъ въ разрѣшеніи главнейшей задачи, положенной въ основаніе той незабвенной эпохи — въ разрѣшеніи крѣпостного вопроса, и послѣ того, на протяженіи всей своей научной и государственной дѣятельности, и первомъ, и дѣломъ служилъ неотступно тѣмъ же освободительнымъ принципамъ. Въ этой непоколебимости принципамъ жизни многіе усматривали доктринерство,

односторонность и прямолинейность; его пытались разубѣдить и доказать ему необходимость уступокъ практическому времени; эти голоса громко раздавались на страницахъ повременной прессы, при чмъ полемические приемы его противниковъ не отличались полной чистоплотностью. Николай Христіановичъ оставался непоколебимъ и, по словамъ поэта, «непроницаемый для взглядовъ черни дикой, въ молчаны шелъ одинъ онъ съ мыслю великой». Да, молчаниемъ отвѣчалъ онъ на непристойные возгласы противниковъ и, несмотря на громадную власть въ своеемъ распоряженіи, онъ не прибѣгалъ къ ней, чтобы заставить стихнутие непріятные для себя толки. Свобода мнѣній и взглядовъ была для него святыней и на нее онъ не рѣшался поднять свою руку. Русская жизнь не имѣть такого другого пріема, когда министръ, по собственной волѣ и добруму желанію, смѣло и безъ угрозы выставилъ себя и свою дѣятельность на обсужденіе желающихъ, подвергъ ихъ самой прѣдирчивой, дерзкой критикѣ. И не къ чести русской публицистики должно сказать, что она воспользовалась, въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ московскихъ и петербургскихъ представителей, добровольно даннымъ имъ правомъ слишкомъ развязно и грубо. Искусственно, агитационнымъ образомъ созданное общественное мнѣніе одержало верхъ—Н. Х. уступилъ ему и покинулъ постъ министра финансовъ, но черновая его работа въ этомъ вѣдомствѣ успѣла создать здѣсь новый порядокъ вещей, который легъ краеугольнымъ камнемъ для дѣятельности его преемниковъ. Все то, чмъ за послѣднее время дѣжалось и дѣлается лучшаго въ министерствѣ финансовъ, такъ или иначе береть свое происхожденіе изъ системы, созданной въ началѣ 1850 годовъ Н. Х. Онъ создалъ эту систему на основахъ теоретическихъ, почерпнутыхъ изъ книжной мудрости, до которой онъ, въ качествѣ ученаго профессора-академика, дошелъ долгими и трудными путемъ, начиная со школьнай студенческой скамьи. Сынъ скромнаго, но извѣстнаго доктора, Н. Х. Бунге родился въ Кіевѣ 11-го ноября 1823 года; первоначальное практическое воспитаніе онъ получилъ въ просвѣщенномъ домѣ своего отца, потомъ въ 1-й кіевской гімназіи и окончательнымъ образованіемъ обязалъ университету св. Владимира. Получивъ степень кандидата законовѣдѣнія, молодой ученый былъ опредѣленъ преподавателемъ въ лицей кн. Безбородка въ Нѣжинѣ, гдѣ оставался, по защитѣ министерской диссертациі («Іаслѣдованіе началъ торгового законодательства Петра Великаго»), въ качествѣ профессора до 1850 года. Въ этомъ году онъ былъ переведенъ въ университетъ св. Владимира, гдѣ занималъ каѳедры политической экономіи и статистики. Въ Нѣжинѣ профессоръ оставилъ по себѣ славную память, какъ членъ того передового кружка преподавателей, которые въ глухомъ захолустѣ впервые подняли громко вопросы европейской науки и гражданственности. Не довольствуясь каѳеной педагогической дѣятельностью, Н. Х. давалъ учащейся молодежи бесплатные уроки у себя на дому, преимущественно по новымъ языкамъ. Съ переходомъ его въ Кіевскій университетъ, онъ перенесъ и сюда свою свѣтлую и симпатичную дѣятельность на пользу молодежи и науки. Въ теченіе 30-ти лѣтнаго пребыванія на университетской каѳедрѣ, онъ неоднократно былъ призываляемъ и правительствомъ, и ученой корпорацией товарищ-профессоровъ къ должности ректора, которую и правиль съ 1859—1862 гг., съ 1871—1875 гг. и съ 1878—1880 гг. Въ 1880 г., уже въ качествѣ заслуженнаго профессора, онъ навсегда простился съ своей alma mater. Къ ученымъ трудамъ его за этотъ періодъ времени (до 1880 г.) должны быть отнесены: докторская диссертациі «Теорія кредита», курсъ «Полицейского права», «Курсъ статистики», «Основанія политической экономіи», «Товарные склады и варранты», «О возстановленіи металлическаго обращенія въ Россіи», «О возстановленіи постоянной денежной единицы въ Россіи». Изъ этихъ трудовъ останавливаетъ на себѣ вниманіе по оригинальности взгляда

его курсъ полицейского права. Послѣднее не представляется ему цѣльной, самостоятельной наукой: въ учениіи о безопасности (законы благочинія) онъ усматриваетъ часть государственного права, а въ учениіи о благосостояніи (законы благоустройства)—прикладную часть политической экономіи. Кромѣ этихъ цѣльныхъ трудовъ, имъ написано за это время не мало статей публичистическихъ, имѣвшихъ прямое отношеніе къ тогдашнимъ главнымъ государственнымъ и общественнымъ вопросамъ: по вопросамъ о крестьянской реформѣ, объ акціонерныхъ обществахъ, о банковой политикѣ, объ устройствѣ учебной части въ университетахъ и мног. друг. Однако, дѣятельностьченаго профессора не ограничивалась преподаваніемъ и литературнымъ занятіями; онъ положилъ не мало труда и времени на практическое служеніе родному городу и отечеству вообще. Такъ, въ концѣ 1850-хъ годовъ, онъ былъ приглашенъ къ занятіямъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ и преимущественно къ тѣмъ, где должны были быть намѣчены и установлены основанія и способы окончательнаго разрѣшенія крестьянскаго вопроса посредствомъ выкупа надѣловъ, при содѣйствіи правительства; въ 1863 году онъ участвовалъ въ выработкѣ новаго университетскаго устава, и тогда же ему было поручено преподаваніе финансового права и политической экономіи цесаревичу Николаю Александровичу. По возвращеніи въ Кіевъ, онъ одно время управлялъ кіевской конторой государственного банка, а также принималъ дѣятельное участіе въ только-что организованномъ городскомъ самоуправленіи; въ этой сферѣ покойный сдѣлалъ очень много и Кіевъ обязанъ ему немалымъ благоустройствомъ. Въ 1880 г. Н. Х. былъ призванъ на постъ товарища министра финансовъ, а съ 1881 по 1886 г.—на самостоятельную должность министра финансовъ. Тяжелое наслѣдство отъ предшествовавшихъ лѣтъ получиль новый министръ, но онъ не смущился этимъ и приступилъ къ ряду смѣлыхъ и блестящихъ реформъ. Во-первыхъ, онъ честно и прямо показалъ въ государственной росписи крупный дефицитъ, не прибѣгая ни къ какимъ мѣрамъ затушевыванія и прикрытия этой дефектной стороны нашего бюджета; во-вторыхъ, онъ рѣшился уничтожить послѣдніе остатки крѣпостного права, стеревъ старинное различіе между податными и неподатными сословіями: отмѣнилъ подушную подать и обратилъ оброчныи подати въ выкупные платежи. Н. Х. собирался приступить и къ установлению подоходнаго налога, но это было сразу трудно сдѣлать, почему онъ и предпочелъ подготовительный мѣропріятія: налогъ на доходъ съ процентныхъ бумагъ, процентный и раскладочный сборы съ промышленныхъ предприятій, а отчасти налогъ съ имущество, переходящихъ безмездными способами, въ видахъ чего была учреждена податная инспекція. Наряду съ этимъ онъ обратилъ вниманіе на наше землевладѣніе, создавъ крестьянскій и, какъ уступка нѣкоторымъ влиятельнымъ сферамъ, — дворянскій банкъ. Первое учрежденіе являлось прямой поправкой реформы 19-го февраля, вслѣдствіе которой имѣлась въ виду борьба съ недостаточностью нашихъ крестьянскихъ надѣловъ. При Н. Х. банкъ процвѣталъ и только послѣ него, въ связи съ нѣкоторыми теченіями русской жизни, онъ какъ бы заглохъ и сузилъ свои операциіи. Рабочій вопросъ нашелъ въ немъ также внимательнаго законодателя: закономъ 1-го іюня 1882 г. сдѣланъ серьезній шагъ на пути регламентаціи фабричнаго труда въ интересахъ рабочихъ. Таковы главнѣйшія мѣропріятія ученаго министра финансовъ, но это только главнѣйшія; за ними слѣдовала масса второстепенныхъ, касавшихся самыхъ разнообразныхъ сторонъ русской жизни: уничтоженіе солянаго налога, урегулированіе банковскаго дѣла, экспропрація желѣзныхъ дорогъ и многія другія. Время его управления министерствомъ не было, однако, по виѣшнему виду временемъ удачъ и блестящихъ результатовъ; тутъ была масса независѣвшихъ отъ него причинъ, какъ-то: неурожай, закрытие многихъ фабрикъ, торговыхъ банкротствъ, упадокъ заграничнаго отпуска и пр., и пр. Эти-то

независящія причины и послужили недругамъ министра точкой отправления къ жестокимъ нападкамъ, доходившимъ чуть ли не до обвиненія его въ государственной измѣнѣ. Утомленный борьбою и усиленной работой, Н. Х. въ январѣ 1887 г. покинулъ должность министра финансовъ, уступивъ ее практическимъ дѣятелямъ, а самъ принялъ назначеніе на высокий и ответственный постъ предсѣдателя комитета министровъ; здесь его дѣятельность не была, что называется, уже такъ на виду, почему и толки о немъ въ печати смолкли. Весь этотъ періодъ, однако, вплоть до июня текущаго года, былъ посвященъ излюбленной имъ финансовой наукѣ; онъ выступаетъ слова передъ публикою въ качествѣ ученаго экономиста съ двумя превосходными трудами: «Государственное счетоводство и финансовая отчетность въ Англіи» и «Очерки политico-экономической науки». Въ предисловіи къ послѣднему труду онъ вѣкоторымъ образомъ даетъ небольшую обрисовку своей симпатичной, гуманной и просвѣщенной личности: «въ каждой наукѣ,—говорить онъ, есть незыблѣмая истина. Такъ, уваженіе нравственного достоинства человѣка, его личности, понятіе о долгѣ и связанной съ послѣднимъ отвѣтственности принадлежать къ числу тѣхъ аксиомъ, которыхъ облегчаютъ для насъ вѣрное пониманіе явлений общественныхъ». Это уваженіе къ нравственнымъ достоинствамъ человѣка служило ему путеводной нитью и въ выборѣ сотрудниковъ, и въ приближеніи къ себѣ учениковъ. Отношенія къ послѣднимъ со стороны бывшаго профессора были удивительно трогательны. Въ нихъ есть что-то общее съ отношеніями Сократа къ ученикамъ. Въ дни праздниковъ и въ часы досуга онъ постоянно собиралъ вокругъ себя молодыхъ представителей финансовой и экономической науки, вѣль съ ними длинныя бесѣды и интересовался ихъ трудами и научными занятіями. Эта молодежь, будущность Россіи, была ему дорога и ей онъ отдавалъ всѣ свои заработки и вознагражденія; себѣ онъ оставлялъ лишь малую часть за текущія нужды, весьма, впрочемъ, скромныя, весь же избытокъ шелъ на поддержаніе учащихся и недостаточныхъ изъ нихъ, при чёмъ помощь эта дѣлалась вполнѣ по-евангельски. Вся совокупность указанныхъ качествъ и заслугъ передъ отечествомъ и сдѣлала то, что вѣсть о неожиданной кончинѣ этого философа-праведника отозвалась болѣю въ сердцѣ всѣхъ, кому дороги историческая судьбы нашей государственной жизни: не стало безупречно-честного дѣтеля, чье недремлющее око было всегда устремлено на духовное и материальное благополучіе Россіи. Дѣятельность Н. Х., какъ министра финансовъ, нашла себѣ прекрасную характеристику въ ст. «Замѣтительная эпоха въ исторіи русскихъ финансовъ» «Старого профессора», помѣщенной въ «Журналѣ юридического общества» 1895 г., № 2 и 4.

† 22-го мая, въ 3 часа дня, отъ остраго бронхита, извѣстный путешественникъ, писатель, докторъ медицины Александръ Васильевичъ Елисѣевъ. Смерть застигла отважнаго и неутомимаго путешественника во время его научныхъ приготовленій къ новой, полной опасности и таинственной неизвѣстности, экспедиціи въ центральную Африку, въ страну махдистовъ, куда уже онъ дважды съ рискомъ для жизни пытался проникнуть. Елисѣевъ былъ упорный труженикъ, и вся жизнь его, отъ раннаго сознательнаго возраста до послѣднихъ часовъ существованія на землѣ, есть непрерывная цѣль труда. Съ винтовкой за плечами, въ глухой тайгѣ, подъ сѣнью вѣковыхъ кедровъ и дубовъ, или на необозримомъ пространствѣ Африки подъ знойными лучами полуденнаго солнца, въ тиши своего кабинета-музея въ Лѣсномъ, въездѣ онъ является работникомъ на пользу горячо любимой науки, безъ всякихъ исканій личнаго счастья, довольства или покоя. Его жизненный путь развертывался скромно, тихо и достаточно сиротливо; можетъ быть, вслѣдствіе прирожденной скромности, или по чисто случайнымъ причинамъ, поученыхъ обществъ или меценатовъ. На деньги, добытыя потомъ и кровью,